

18+

**АННА
ВЕРСКАЯ**

**ВДОВА
ДЕЛО УБИЙСТВО НА ВОЛГЕ
ДЕЛО ПИКОВОГО КОРОЛЯ**

Анна Верская

Вдова. Дело «Убийство на волге».
Дело «Пикового короля»

«Издательские решения»

Верская А.

Вдова. Дело «Убийство на волге». Дело «Пикового короля» /
А. Верская — «Издательские решения»,

Два убийства. На пароходе — человек, скрывавшийся под чужим именем.
В Москве — офицер, которого все считали самоубийцей. Улики ведут
не к преступнику, а к его боли. Аглая Корелина ищет того, кто решил, что
правосудие — это месть.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава пятая	17
Глава шестая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вдова. Дело «Убийство на волге». Дело «Пикового короля»

Анна Верская

Обложка ChatGPT

© Анна Верская, 2026

ISBN 978-5-0070-7697-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дело «Убийство на волге»

Глава первая

Нижний Новгород встретил их июньской жарой и запахом Волги — тем особым, ни с чем не сравнимым запахом большой реки, в котором смешивались водоросли, рыба, смолёные канаты, нагретое солнцем дерево пристаней и едва уловимый аромат дыма от пароводных труб. Солнце стояло над Стрелкой, где Ока впадала в Волгу, и вода блестела так, что больно было смотреть. На пристани гудела толпа: грузчики в засаленных фартуках катили бочки, носильщики с бляхами тащили чемоданы, дамы под зонтиками ожидали, пока их супруги расплатятся с извозчиками, а где-то в стороне, у пакгаузов, играла шарманка, и её дребезжащая мелодия мешалась с криками чаек и гудками буксиров.

Аглая Матвеевна Корелина стояла у самого края пристани, опираясь на зонтик, и разглядывала паровод, которому предстояло на три дня стать её домом. «Царицын» был двухпалубным красавцем сормовской постройки, одним из тех новеньких пароводов, что появились на Волге всего несколько лет назад. Белый корпус его сиял на солнце, высокие трубы с чёрным дымом упирались в небо, а по бокам, заключённые в ажурные чугунные кожухи, темнели гребные колёса — те самые, что скоро должны были мерно застучать по воде, унося паровод на юг, к Астрахани.

На носу золотом по чёрному было выведено: «Царицын». Надпись эта, как и полагалось, читалась за версту, и Аглая Матвеевна, вглядываясь в неё, подумала, что пароводство явно не экономило на краске. Две мачты несли флаги: на кормовой — андреевский, на носовой — вымпел пароводного общества «Кавказ и Меркурий». На верхней палубе, под полосатым тентом, уже прогуливались дамы в светлых платьях, а у борта, облокотившись на поручень, стоял какой-то господин в соломенной шляпе и курил сигару, пуская дым в сторону берега.

— Барыня, вы только посмотрите на эту громадину, — проворчала Глафира, которая с саквояжем в одной руке и корзинкой с провизией в другой едва не спотыкалась о бухту каната. — Она ж дымит, как печка, которую забыли закрыть. И пахнет от неё... ну, как от печки. Неужели мы на этом поплывём?

— Поплывём, Глаша. И не на этом, а на нём. Ты же сама хотела в Астрахань. Там арбузы.

— Арбузы — это хорошо, — вздохнула Глафира. — Но до них ещё доплыть надо. А у меня, между прочим, в прошлый раз, когда мы на пароводе плыли, морская болезнь была. Три дня лежала, как тряпка, и даже чай не пила. Вы помните?

— Здесь не море, а река. Качка будет меньше.

— Меньше-то меньше, — пробормотала Глафира, — а всё равно. Вода есть вода. Я ей не доверяю.

Они поднялись по широким сходням, и матрос в белой форме, проверив билеты, проводил их на верхнюю палубу, где располагались каюты первого класса. Коридор был узким, но чистым: пол, натёртый мастикой, блестел, стены были выкрашены светлой масляной краской, а под потолком, через равные промежутки, горели керосиновые лампы в медных подвесах. Дверь с табличкой «№7» вела в их каюту.

Каюта оказалась небольшой — ровно такой, чтобы два человека могли разминуться, не задевая друг друга плечами, — но опрятной и даже уютной. Вдоль стен стояли два дивана, обитые тёмно-зелёным бархатом, застеленные свежим бельём с печатью пароходства. Между ними — столик красного дерева с керосиновой лампой под стеклянным абажуром. На столике — графин с водой, два стакана и маленькая вазочка с сухими цветами, оставленная, видимо, предыдущими пассажирами. У стены, напротив двери, — высокое зеркало в резной раме и крошечный умывальник с медным краном. Иллюминатор, выходивший на левый борт, был занавешен ситцевой шторкой с цветочным узором.

— Тесновато, — констатировала Глафира, оглядывая каюту. — Но жить можно. Вешалок только три, а у меня четыре платья. И куда я повешу ваше серое, ума не приложу.

— Повесь на дверь, — посоветовала Аглая Матвеевна, снимая шляпку.

Под ногами мягко вибрировала машина — где-то глубоко в чреве парохода, в кочегарке, уже разводили пары, готовясь к отплытию. Сквозь иллюминатор доносились крики грузчиков, скрип лебёдок и плеск воды о борт. Глафира, отодвинув шторку, выглянула наружу и тут же отпрянула.

— Батюшки, вода-то как близко! Прямо под нами! А если шторм?

— На Волге не бывает штормов, Глаша. Это тебе не море.

— Ну, знаете, — недоверчиво ответила Глафира, — у нас в Рыбинске один раз так разыгралось, что баржу перевернуло. Я сама видела. Правда, мне тогда пять лет было. Но я помню.

В шесть часов вечера пароход дал протяжный гудок — низкий, бархатный, от которого завибрировали стёкла иллюминатора и задрожала вазочка на столике. Гудок повторился трижды — прощание с берегом, — и «Царицын», отдав швартовы, медленно отошёл от пристани. Глафира, забыв о своих страхах, прикинула к иллюминатору. Нижний Новгород поплыл назад: сначала пристань с машущими платками, потом кремлёвские башни на холме, золотые купола соборов, потом бесконечные склады и причалы, а за ними — зелёные берега, поросшие ивняком, и широкая, серебристо-серая Волга, развернувшаяся во всю свою мощь.

К семи часам прозвонили к ужину. Звонок этот — мелодичный, серебряный — разнёсся по коридору, и из соседних кают потянулись пассажиры. Кают-компания первого класса находилась в кормовой части верхней палубы и была обставлена с претензией на роскошь. Длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, был сервирован с той особой тщательностью, какую позволяют себе только пароходства, желающие произвести впечатление. Серебряные приборы — ножи, вилки, ложки — лежали на льняных салфетках, свёрнутых веером. Перед каждым местом стояли три стакана: для воды, для вина и для шампанского. В центре стола, на серебряном подносе, красовался букет полевых цветов, окружённый хрустальными графинами с клюквенным морсом, красным вином и водой. Над столом, на медных цепях, висела керосиновая лампа с большим абажуром из матового стекла, отбрасывавшая мягкий желтоватый свет.

Аглая Матвеевна, войдя, окинула кают-компанию тем самым взглядом, который Глафира называла «сыщицким», — быстрым, цепким, ничего не упускающим. За столом уже сидели несколько человек. Капитан — высокий, сухощавый, с аккуратной седой бородкой и усталыми глазами моряка — поднялся, приветствуя дам, и представил собравшихся.

— Прошу знакомиться, — сказал он. — Наши пассажиры: Иван Петрович Сомов, из Казани; Степан Захарович Бородин, купец первой гильдии; Елизавета Андреевна Шатрова; Алексей Фёдорович Крымов, студент Московского университета; и Пётр Васильевич Свиридов, в прошлом — по тюремному ведомству. А это, — он повернулся к Аглае, — Аглая Матвеевна Корелина и её компаньонка...

— Глафира, — буркнула Глафира, усаживаясь на краешек стула.

— Глафира, — повторил капитан с лёгкой улыбкой.

Аглая заняла место напротив Сомова и, пока рассаживались остальные, успела разглядеть каждого.

Иван Петрович Сомов сидел прямо перед ней — сутуловатый господин лет пятидесяти пяти, в старомодном сюртуке тёмно-коричневого сукна. Сюртук был хорошего качества, но заметно поношенный, и на правом локте Аглая разглядела аккуратную штопку. Руки у него были узкие, с длинными нервными пальцами, которые то и дело постукивали по скатерти или теребили край салфетки. Он почти не поднимал глаз от тарелки, а когда кто-нибудь случайно встречался с ним взглядом, вздрагивал и отводил глаза в сторону. Ел он быстро, мелкими движениями, и при этом как-то боком, словно боялся, что кто-то отнимет у него тарелку.

Рядом с ним сидел Степан Захарович Бородин — полный, краснолицый купец с окладистой русой бородой, в просторном сюртуке из дорогого сукна. На пальцах его блестели два массивных перстня, а на цепочке через жилет висели золотые часы с крышкой. Он уже успел выпить две рюмки водки и теперь, размахивая вилкой, рассказывал капитану о своих делах в Астрахани. Голос у него был громкий, привыкший перекрывать шум ярмарки, и от этого голоса Сомов, сидевший рядом, то и дело вздрагивал, как от удара.

На другом конце стола, напротив Глафиры, сидела Елизавета Андреевна Шатрова. Она была одета в тёмно-серое платье с глухим воротом, без единого украшения, кроме обручального кольца на левой руке. Волосы её, тёмные, с лёгкой проседью у висков, были убраны в строгий узел и заколоты простым костяным гребнем. Она говорила мало, но слушала внимательно, и в её серых глазах, когда она поднимала их от тарелки, мелькало что-то острое — не то печаль, не то настороженность. Глафира позже скажет: «У неё глаза как у кошки, которая видит мышь, но пока не прыгает». Вдова пила только воду, от еды почти не притронулась, а когда Бородин попытался втянуть её в разговор, ответила вежливо и коротко, но так, что продолжать не захотелось.

Алексей Фёдорович Крымов, сидевший рядом с ней, был действительно молод — лет двадцати, не больше, — с открытым лицом, лёгким румянцем на щеках и той особой неловкостью в движениях, какая бывает у юношей, впервые путешествующих без старших. Он охотно поддерживал разговор, смеялся шуткам капитана, но Аглая заметила, что он то и дело поглядывает на Сомова — не с враждебностью, а с каким-то странным, напряжённым любопытством.

Последним за столом сидел Пётр Васильевич Свиридов — сухонький, сгорбленный старичок в очках с толстыми стёклами, за которыми прятались маленькие, бесцветные глаза. Он представился «бывшим служащим по тюремному ведомству» и тут же, не дожидаясь расспро-

сов, начал рассказывать о своей коллекции: он собирал фотографические карточки преступников, которых знал по службе.

— У меня, знаете ли, уже три альбома, — говорил он, аккуратно разрезая рыбу. — И каждый с историей. Вот, например, Горемыкин — был такой следователь в Казани, знаменитый, упрятал на каторгу троих. А через год сам пропал. Я его карточку ищу уже десять лет. Редкая вещь.

При имени «Горемыкин» Сомов, сидевший напротив, уронил нож. Звон металла о тарелку заставил всех обернуться. Сомов покраснел, пробормотал извинения и нагнулся за ножом, но пальцы его так дрожали, что он не мог его поднять — пришлось звать официанта.

Аглая переглянулась с Глафирой. Та едва заметно кивнула.

Ужин тем временем продолжался. Подали уху из волжской стерляди — наваристую, с янтарным жирком, — и Глафира, забыв о своих страхах, съела две тарелки. За ухой последовала осетрина, запечённая с картофелем, и лёгкое белое вино из крымских виноградников. Разговор за столом тек неспешно, как Волга за бортом: обсуждали погоду, цены на рыбу, новую ярмарку в Нижнем.

Глава вторая

Волга на рассвете была прекрасна той особенной, тихой красотой, какая даётся только большим рекам в предутренний час. Солнце ещё только поднималось из-за лесистых холмов левого берега, и вода, подёрнутая лёгкой дымкой, казалась не серебристо-серой, как вчера, а перламутровой, с розовыми и голубыми переливами. Пароход «Царицын» шёл полным ходом, рассекая эту гладь, и от его колёс по воде разбегались две широкие пенистые дорожки, терявшиеся где-то далеко за кормой. В воздухе пахло рекой, нагретым металлом и едва уловимо — свежеиспечённым хлебом из камбуза.

Аглая Матвеевна проснулась рано, по многолетней привычке. Глафира ещё спала, завернувшись в одеяло так, что виден был только кончик носа, и время от времени издавала звуки, похожие на недовольное фырканье, — ей, кажется, снилось что-то про рыбу. Аглая, стараясь не шуметь, умылась над крошечным умывальником, надела серое платье и вышла на палубу.

Утро на пароходе только начиналось. Матрос в полосатой тельняшке драил медные поручни, и они сияли на солнце, как золотые. Другой матрос, вооружённый длинной шваброй, мыл палубу, оставляя за собой влажные, блестящие следы. Из камбуза доносился запах кофе и чего-то сладкого — должно быть, пекли булочки. У борта, зябко кутаясь в шаль, стояла какая-то дама из второго класса и смотрела на воду.

Аглая прошла по палубе, вдыхая утренний воздух. Она любила этот час — час, когда мир ещё спит и можно побыть наедине со своими мыслями. Но сегодня её одиночество длилось недолго: из кают-компании вышел капитан, приветствовал её кивком и сообщил, что к завтраку подадут волжскую стерлядь — «только что поймали, Аглая Матвеевна, вы такой в Москве не пробовали».

К восьми часам пароход ожил. Пассажиры потянулись в кают-компанию на утренний чай. Стол был накрыт так же безупречно, как и вчера: белая скатерть, серебряные подстаканники, плетёная корзинка со свежими булочками, маслénка в виде утки, вазочки с вишнёвым и абрикосовым вареньем. В центре стола, на блюде, красовалась обещанная стерлядь — заливная, с ломтиками лимона и веточками петрушки.

Глафира, успевшая к этому времени проснуться и привести себя в порядок, сидела на своём месте с видом человека, который намерен воздать должное каждому блюду. Она уже успела перекинуться парой слов с официантом — расторопным малым по имени Тимофей — и выяснила, что к обеду ожидается «что-то особенное, с соусом».

Завтрак проходил вяло. Купец Бородин, вопреки вчерашней шумности, сидел мрачный и почти не притрагивался к еде. На расспросы капитана он отвечал коротко: «Проигрался в карты. Бывает». И отворачивался к окну. Глафира позже, столкнувшись с ним в коридоре, услышала, как он бормочет себе под нос: «Шулер он, вот кто. Я его на чистую воду выведу». Кого именно он имел в виду — осталось неясным, но Глафира на всякий случай запомнила.

Свиридов, напротив, был в отличном расположении духа. Он пришёл к завтраку с толстым альбомом в кожаном переплёте и, пока пил чай, листал его, время от времени издавая одобрительные возгласы. Потом, не выдержав, повернулся к соседям и принялся рассказывать.

— Вот, полюбуйте, — говорил он, показывая пожелтевшую фотографическую карточку. — Это Сенька Косой, знаменитый волжский разбойник. Гроза купцов. Я его лично знал, когда служил в Астрахани. Он мне однажды сказал: «Пётр Васильич, я бы вам ещё много чего рассказал, да боитесь вы». А я ему: «Я, Сеня, ничего не боюсь, я в тюремном ведомстве служу». Так он мне всю свою жизнь и выложил. Потом его, правда, поймали. Но это уже другая история.

Он перевернул страницу и показал ещё одну карточку — на этот раз женщины с тёмными, глубоко запавшими глазами.

— А это Дуня-отравительница. Травила купцов в Самаре. Шестерых отправила на тот свет, седьмой выжил и её же и сдал. Красивая была, бестия. Я с ней два часа беседовал перед отправкой в Сибирь. Знаете, что она мне сказала? «Я, — говорит, — ни о чём не жалею. Они все сами виноваты». Вот ведь характер!

Глафира, слушавшая с открытым ртом, потом призналась Аглае, что «чуть не подавилась булкой». Аглая же заметила, что вдова Шатрова, сидевшая на своём месте, не проронила ни слова — но при упоминании отравительницы её пальцы, державшие чашку, чуть заметно дрогнули.

День на пароходе тёк неторопливо, как сама Волга. После завтрака пассажиры разбрелись кто куда. Бородин, всё ещё мрачный, уединился в своей каюте и не выходил до обеда. Свиридов, захватив альбом, отправился на нижнюю палубу — искать новых слушателей среди пассажиров второго класса. Крымов, молодой человек с открытым лицом, появился на палубе с шахматной доской под мышкой и принялся расспрашивать всех встречных, не желает ли кто сыграть партию-другую. Он был настойчив, но вежлив, и Аглая дважды видела, как он, получив отказ, с лёгкой улыбкой кланялся и шёл дальше.

— Ищет, с кем бы сыграть, — заметила Глафира, наблюдавшая за ним с шезлонга. — А по-моему, просто хочет поговорить. Он же здесь один, без старших. Ему скучно.

— Может быть, — ответила Аглая. — А может быть, он ищет повод познакомиться поближе.

Сама Аглая провела утро на палубе, в шезлонге, с томиком Тургенева, который она взяла с собой в дорогу. Но читала она невнимательно — взгляд её то и дело скользил по палубе, отмечая, кто куда пошёл, кто с кем заговорил, кто слишком долго стоит у борта. Она заметила, что Елизавета Андреевна Шатрова почти не покидала своей каюты. Только однажды, около полудня, она вышла на палубу — в тёмном платье и с кружевным зонтиком от солнца, — медленно прошлась вдоль борта и, заметив, что на неё смотрят, снова скрылась в коридоре.

— Чего она прячется? — спросила Глафира, которая тоже это заметила. — Как будто боится, что её кто-то увидит.

— Или кого-то, — тихо ответила Аглая.

Обед подали в час дня. Стол снова был сервирован с ресторанной тщательностью. На первое — ботвинья со льдом, что в волжскую жару было особенно кстати. На второе — судак, запечённый в сметане, с отварным картофелем и зеленью. На десерт — малиновый кисель и миндальное печенье.

Разговор за столом крутился вокруг цен на рыбу и предстоящей ярмарки в Астрахани. Бородин, немного отошедший от своего мрачного настроения, принялся рассказывать, что в этом году ожидается небывалый улов осетровых и что он уже заключил контракт с поставщиками. Капитан поддерживал беседу с той особой, чуть рассеянной вежливостью, какая бывает у людей, привыкших поддерживать беседу с пассажирами каждый день. Свиридов, отложивший свой альбом, расспрашивал Крымова об университете. Крымов отвечал охотно, но Аглая заметила, что он снова поглядывает на Сомова — с тем же странным, изучающим выражением.

Сомов, как и вчера, сидел на своём месте, почти не поднимая глаз от тарелки, и отвечал на вопросы коротко и неохотно. Но ближе к концу обеда, когда разговор на мгновение стих и за столом повисла та случайная тишина, какая иногда наступает сама собой, он вдруг произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Я думал, меня уже никто не помнит.

Он сказал это тихо, почти шёпотом, и фраза эта, повиснув в воздухе, тут же растаяла: Бородин, не расслышав, переспросил что-то про улов, капитан повернулся к официанту, Свиридов снова заговорил об альбоме. Никто не обратил внимания.

Никто — кроме Елизаветы Андреевны Шатровой.

Аглая Матвеевна заметила это. Вдова, сидевшая на своём месте, подняла глаза на Сомова — и замерла. Взгляд её, устремлённый на него, был странным — не просто внимательным, но каким-то слишком пристальным, слишком долгим. Так смотрят не на случайного попутчика, не на незнакомца. Так смотрят на человека, которого ждали. Или которого узнали.

Это длилось всего мгновение. Шатрова опустила глаза, взяла чашку, отпила глоток. Но Аглая уже поняла: между этими двумя что-то есть. Что-то, что не лежит на поверхности. Что-то, что ещё предстоит раскрыть.

Вечером, когда солнце село за правым берегом и Волга стала тёмной и таинственной, а пароходные огни отразились в воде длинными дрожащими полосами, Аглая сидела в своей каюте и записывала в блокнот:

«День второй. Бородин — проигрался, зол, ищет виноватого. Свиридов — слишком словоохотлив для бывшего надзирателя. Шатрова — прячется, но смотрит на Сомова так, будто знает его. Крымов — ищет общения, но, возможно, не просто от скуки. Сомов — боится. Вопрос — кого? И почему фраза „меня уже никто не помнит“ прозвучала именно сегодня?»

Она перечитала запись, подчеркнула последнюю строчку и закрыла блокнот. За стеной, где-то внизу, мерно стучала машина, и этот звук, сливаясь с плеском воды, походил на сердцебиение. Пароход «Царицын» уносил их сквозь июньскую ночь — и каждый из пассажиров вёз с собой свой груз. Кто-то — товары. Кто-то — воспоминания. А кто-то, возможно, — орудие убийства.

Глава третья

Ночь на Волге была тиха и душна. Пароход «Царицын» шёл полным ходом, и мерный стук гребных колёс разносился над водой, заглушая все прочие звуки — плеск волн о берег, далёкий лай собак в прибрежных деревнях, скрип снастей и даже шаги ночного вахтенного на верхней палубе. Луна, ущербная и тусклая, то выныривала из-за облаков, то снова пряталась, и тогда коридоры парохода погружались в полную темноту.

Аглая Матвеевна спала плохо. Духота, непривычная после московской прохлады, давила на виски, и она несколько раз просыпалась, прислушиваясь к размеренному уханью машины. Один раз ей показалось, что в коридоре скрипнула половица — но звук тут же растворился в шуме колёс, и она, решив, что это просто вахтенный матрос прошёл к рубке, снова закрыла глаза.

Утро началось с крика.

Кричала горничная — та самая девица в накрахмаленном переднике, что подавала вчера чай. Крик её, пронзительный и тонкий, разнёсся по коридору, и Аглая Матвеевна, мгновенно проснувшись, уже накидывала халат. Глафира, вскочившая с постели, схватилась за револьвер, но Аглая остановила её:

— Пока не нужно. Жди здесь.

В коридоре уже толпились люди. Капитан, в расстёгнутом кителе, быстро шёл к каюте №4, из которой и раздался крик. За ним, кутаясь в шаль, спешила Елизавета Андреевна Шатрова. Из соседней каюты выглянул Бородин — заспанный, взлохмаченный, в ночной рубашке. Крымов, появившийся с другой стороны, был бледен. Свиридов, в неизменных очках, уже стоял у двери и, кажется, даже не удивился.

Капитан распахнул дверь — и замер на пороге.

Иван Петрович Сомов лежал на полу у столика. Голова его была повёрнута набок, и на виске, чуть выше уха, темнела страшная рана. Кровь уже запеклась и потемнела, и лужица на ковре, возле самого лица, была почти чёрной. Рядом с телом валялись разбитые часы — те самые, с крышкой, которые он всегда носил при себе. Стрелки застыли на часе ночи.

На столике, у самой лампы, лежала пуговица. Обычная, костяная, от мужского сюртука. Аглая заметила её сразу — и заметила, что нитка, которой она была пришита, оборвана, а не перерезана.

Капитан, человек военный и привыкший к дисциплине, первым взял себя в руки.

— Всем отойти от двери, — приказал он. — Ничего не трогать. Тимофей, — повернулся он к официанту, маячившему за спинами, — беги за доктором, если такой есть на борту. Если нет — найди кого-нибудь, кто разбирается в медицине.

— Я разбираюсь, — спокойно сказала Аглая Матвеевна, отстраняя его и входя в каюту. — Я вдова врача.

Капитан хотел возразить, но что-то в её голосе заставило его промолчать. Аглая опустилась на корточки рядом с телом. Она не прикасалась к нему — только внимательно осмотрела рану, положение рук, кровь на ковре. Потом перевела взгляд на дверь: замок цел, петли не повреждены. На полу у двери — никаких следов взлома.

— Его ударили по голове, — сказала она, поднимаясь. — Оружие — скорее всего, подсвечник. Вон тот, что стоит на столике — видите, край в крови? Дверь не взломана. Сомов сам впустил убийцу.

— Значит, он знал его, — тихо произнёс Свиридов, стоявший у двери. — Или её.

— Или её, — повторила Аглая.

— Ограбление? — неуверенно предположил капитан. — Может, кто-то из прислуги или из пассажиров второго класса...

— Ничего не украдено, — перебила Аглая. — Часы — вот они, разбитые. Бумажник, — она кивнула на тумбочку у кровати, где лежал кожаный портмоне, — на месте. Нет, капитан, это не ограбление. Это убийство. И убийца — один из пассажиров первого класса. Тот, кому Сомов сам открыл дверь.

В коридоре повисла тишина. Бородин, стоявший у стены, перекрестился. Крымов опустил глаза. Шатрова, застывшая в дверях, была бледна, но смотрела прямо перед собой — не на тело, а куда-то в стену, словно видела там что-то, невидимое другим.

Аглая Матвеевна обвела их всех взглядом — и сказала то, что должна была сказать:

— С этого момента, господа, никто не покидает пароход. Убийца — здесь. Среди нас. И я найду его.

Капитан кивнул. Он уже понял, что спорить с этой женщиной бесполезно.

Впереди было много работы. Потому что убийца, кто бы он ни был, всё ещё дышал одним с нею воздухом. И он знал, что Аглая Матвеевна Корелина уже начала охоту.

Глава четвёртая,

Завтрак в кают-компании накрыли, как обычно, ровно в восемь. Белая скатерть, серебряные подстаканники, плетёная корзинка со свежими булочками, маслénка в виде утки, вазочки с вареньем — всё было как вчера, как позавчера, как всегда. Но сегодня за столом царила тишина. Не та уютная утренняя тишина, когда пассажиры ещё не проснулись толком и лениво шуряются на солнце за окнами, а совсем другая — напряжённая, звенящая, какая бывает в домах, где лежит покойник.

Капитан сидел во главе стола, прямой, как шомпол, и сосредоточенно крошил хлеб, не замечая, что превратил булку в гору крошек. Лицо его было серым от бессонной ночи — он допрашивал прислугу до рассвета, но ничего не добился. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Пароход шумел колёсами, заглушая все звуки, и смерть вошла в каюту №4 так же бесшумно, как входит в дом кошка.

Бородин, явившийся к столу в мятлом сюртуке, был мрачен и молчалив. Он выпил две рюмки водки, не дожидаясь чая, и теперь сидел, уставившись в одну точку. Вчерашний проигрыш в карты, ещё утром казавшийся ему трагедией, теперь выглядел сущим пустяком. Он не притронулся ни к буженине, ни к яйцам, только хмуро двигал желваками и время от времени бросал быстрые взгляды на соседей — словно прикидывал, кто из них способен на убийство.

Свиридов, напротив, был непривычно молчалив. Он сидел, уткнувшись в чашку, и даже не достал свой альбом. Когда Глафира, проходя мимо, случайно задела его стул, он вздрогнул так, будто его ударили. Впрочем, Глафира и сама была не в своей тарелке: она дважды уронила ложку и один раз чуть не опрокинула графин с водой.

Крымов опоздал. Он вошёл, когда все уже доедали, — бледный, с красными глазами, и сел на своё место, не глядя ни на кого. От него пахло табаком — видимо, курил всю ночь. Он не произнёс ни слова за весь завтрак и, едва допив чай, поднялся и вышел на палубу.

Елизавета Андреевна Шатрова к завтраку не вышла. Капитан, заметив её отсутствие, послал горничную справиться о её здоровье. Горничная вернулась и доложила, что «барыня нездоровы, лежат у себя и просят их не беспокоить». Аглая запомнила это.

— Ну что ж, — произнёс капитан, отодвигая тарелку, — будем решать, что делать. В Астрахани нас встретит полиция, но до Астрахани ещё полтора дня хода. Я обязан обеспечить безопасность пассажиров. И я обязан... — он запнулся, подбирая слово, — сохранить порядок.

— Порядок уже нарушен, — тихо сказала Аглая. — И убийца, кто бы он ни был, всё ещё на борту.

После завтрака, когда пассажиры разбрелись по каютам, Аглая Матвеевна снова отправилась в каюту №4. На этот раз она была одна. Капитан, скрепя сердце, дал ей ключ — после того, как она пообещала, что ничего не тронет и не унесёт без его ведома.

В каюте было душно. Иллюминатор задёрнут шторой, и свет проникал сквозь неё скупой, окрашивая всё в зеленоватые тона. Тело уже унесли — его перенесли в кладовую, где было прохладнее. Но запах смерти ещё оставался: едва уловимый, сладковатый, с примесью железа. Аглая зажгла лампу на столике и начала осмотр — методично, дюйм за дюймом, как учил её когда-то Зарубин.

Она начала со столика у кровати. В первый раз, когда она заглянула сюда сразу после обнаружения тела, её внимание привлекли разбитые часы и подсвечник со следами крови. Теперь, при свете лампы, она разглядела то, что пропустила в спешке. На столике лежала книга — томик Пушкина, потёртый, с заломленным корешком. Аглая взяла её, раскрыла — и из книги выпала фотография. Старая, пожелтевшая, с обтрёпанными краями. На ней были изображены трое мужчин в арестантской одежде, с номерами на груди. Лица их были напряжены, но один из них — тот, что стоял слева, — смотрел в объектив с вызовом, почти с ненавистью. На обороте карандашом было выведено: «Казань, 1854».

Аглая убрала фотографию в карман и продолжила осмотр.

У изголовья кровати, на полу, валялся конверт. Она подняла его. Конверт был надорван, но письмо внутри сохранилось. Оно было коротким, всего несколько строк, написанных неровным, торопливым почерком на бумаге с водяным знаком — тем самым, что использовался для бланков в кают-компании.

«Вы думали, что скроетесь? Я вас узнал. Не пытайтесь бежать — на пароходе бежать некуда. Я требую объяснений. Встретимся в полночь. Или я сам приду к вам».

Подписи не было. Аглая перечитала письмо дважды и спрятала его вместе с фотографией.

Потом она опустилась на колени и внимательно осмотрела пол. Пуговица, та самая, что лежала у тела, всё ещё была здесь — капитан не велел её трогать. Аглая наклонилась и, не прикасаясь, изучила её. Костяная, с четырьмя дырочками, от мужского сюртука. Нитка, которой она была пришита, не перерезана, а оборвана — концы её торчали в стороны. Так бывает, когда пуговицу отрывают с силой. Возможно, в борьбе. Возможно, намеренно.

Она выпрямилась и ещё раз обвела каюту взглядом. Часы — разбиты при падении. Стрелки застыли на часе ночи. Подсвечник — орудие убийства. Фотография — ключ к прошлому. Письмо — угроза, написанная здесь, на пароходе. Пуговица — возможно, улика, а возможно, ложный след.

— Вот вы где, — раздался голос от двери.

Аглая обернулась. В дверях стоял капитан. Лицо его было мрачным.

— Я велел никому не входить, — сказал он. — Вам в том числе.

— Вы велели никому не входить без вашего ведома, — поправила Аглая. — А я вошла с вашего ведома. Вы сами дали мне ключ, капитан.

Он помолчал, потом кивнул.

— Нашли что-нибудь?

— Нашла, — ответила она. — И теперь я знаю: Сомов — не тот, за кого себя выдавал. Он путешествовал под чужим именем. Он кого-то боялся. И этот кто-то — или эта кто-то — убил его.

— Кто?

— Пока не знаю. — Аглая вышла в коридор и прикрыла за собой дверь. — Но я узнаю. Обязательно.

Глава пятая

К полудню жара стала невыносимой. Солнце висело над Волгой, как раскалённая сковорода, и палуба «Царицына» нагрелась так, что до поручней нельзя было дотронуться. Пассажиры попрятались по каютам, и только матросы, обливаясь потом, продолжали работу — драили палубу, проверяли снасти, перекликались хриплыми голосами. В кают-компании, под тентом, было чуть прохладнее, и именно здесь, за круглым столом, Аглая Матвеевна собрала свой маленький военный совет.

Кроме неё самой, в совете участвовали двое: капитан, всё ещё мрачный и невыспавшийся, и Глафира, которая принесла с собой кувшин холодного лимонада и теперь сидела на краешке стула, готовая записывать.

— Телеграмма из Казани пришла час назад, — сказал капитан, протягивая Аглае сложенный листок. — Мы задержались у пристани в Саратове специально, чтобы её получить. Читайте.

Аглая развернула бланк и пробежала глазами по строчкам. Телеграмма была длинной — Зарубин, как всегда, не пожалел казённых денег на слова.

«Сомов Иван Петрович в списках чиновников Казани не значится. По описанию и особым приметам опознан как Горемыкин Николай Алексеевич, бывший судебный следователь. Вел громкое дело о наследстве в 1854 году. Трое осуждены на каторгу: купеческий сын Бородин (умер в остроге), дворянин Шатров (повесился в тюрьме), мещанин Крымов (умер на этапе). Горемыкин уволен со службы в 1856 году после того, как вскрылось, что приговор основан на ложных показаниях. Скрылся. Местонахождение неизвестно. Особые приметы: шрам на левой руке. В деле также фигурировал надзиратель Свиридов, дававший показания против Горемыкина на пересмотре. Подробности почтой. Зарубин».

Аглая отложила телеграмму и несколько секунд сидела молча, глядя на воду за окном. Глафира, видя её задумчивость, не решилась прервать молчание. Капитан нервно постукивал пальцами по столу.

— Значит, Сомов — не Сомов, — произнесла наконец Аглая. — Он — Горемыкин. Следователь, который отправил на каторгу троих невиновных. Все трое погибли. А он скрывался двадцать лет. И теперь он мёртв.

— И кому это выгодно? — спросил капитан.

— Всем, — ответила Аглая. — Посмотрите сами. Бородин — его брат умер на каторге по делу Горемыкина. Шатрова — её муж осуждён и повесился в тюрьме. Крымов — его отец (или дядя) умер на этапе. И Свиридов — тот самый надзиратель, который давал показания против Горемыкина. Все четверо — здесь, на этом пароходе. И каждый из них знал, кто такой Сомов на самом деле.

— Но откуда вы знаете, что они знали? — спросил капитан.

— Пока не знаю, — ответила Аглая. — Но я это выясню. Потому что один из них убил. И я найду — кто.

Она достала из саквояжа сафьяновый блокнот и принялась записывать — медленно, тщательно, как она всегда делала, когда раскладывала факты по полочкам.

«Подозреваемые:

1. Бородин — брат умер на каторге. Мотив — месть за брата.
2. Шатрова — муж повесился в тюрьме. Мотив — месть за мужа.
3. Крымов — отец (или дядя?) умер на этапе. Мотив — месть за родственника.
4. Свиридов — давал показания против Горемыкина. Мотив — страх разоблачения или личные счёты».

— С кого начнёте? — спросила Глафира, заглядывая в блокнот.

— С Бородина, — ответила Аглая. — Он самый громкий. А громкие люди часто проговариваются. Завтра я с ним поговорю. А пока — пусть все остаются на своих местах.

Она закрыла блокнот и посмотрела на Волгу за окном. Пароход шёл полным ходом, и до Астрахани оставалось чуть больше суток. Если она не найдёт убийцу до прихода в порт, дело передадут полиции, и тогда правду будет не раскопать. А Аглая Матвеевна Корелина не привыкла оставлять дела незакрытыми.

Глава шестая

Утро после телеграммы началось с того, что Глафира, вернувшаяся с камбуза, где она «пила чай и налаживала связи», всплыла в каюту с подносом и таким выражением лица, будто только что узнала государственную тайну. Она поставила чай на столик, поправила передник и, убедившись, что дверь плотно закрыта, приступила к докладу.

— Барыня, вы не поверите, что творится на этом пароходе! — начала она, понизив голос. — Я уж думала, после убийства все будут сидеть по каютам и бояться нос высунуть. А тут, оказывается, жизнь кипит, как в бане. Во-первых, эта купчиха из второго класса, Марья Степановна, — ну, та, что в шляпке с перьями, — она, оказывается, завела роман. Не с одним — сразу с двумя! Один — молодой приказчик, что едет в Астрахань за товаром, второй — пожилой чиновник из Самары. И оба не знают друг о друге! Горничная Фрося говорит, что купчиха назначает им свидания в разное время — приказчику утром, чиновнику вечером. А вчера они случайно столкнулись у её каюты. Вы бы слышали, что там было! Чиновник кричал: «Я думал, вы порядочная женщина!» А приказчик ему: «А я думал, вы старый дурак!» И оба ушли, хлопнув дверью. А купчиха теперь сидит и плачет. Но я так думаю — недолго ей плакать. Она себе третьего найдёт.

— Ты, кажется, ходила на камбуз за чаем, — заметила Аглая, пряча улыбку. — А вернулась с романом в трёх частях.

— Так это ещё не всё! — продолжала Глафира. — Свиридов, тот самый, что коллекционирует преступников, — он вчера вечером проговорился Тимофею. Сказал, что Горемыкин «не должен был уйти». Тимофей спросил: «Кто такой Горемыкин?» А Свиридов ответил: «Не важно. Важно, что он получил по заслугам». И замолчал. Тимофей говорит — у Свиридова глаза горели, как у кота, который мышь поймал.

Аглая запомнила это.

— А что Бородин? — спросила она.

— Бородин сидит у себя и пьёт, — доложила Глафира. — Я слышала, как он заказывал водку. Говорит, что теперь всё кончено. Что его обвинят. Что пуговица его. Но я так думаю — может, и не его? Может, её кто-то подбросил?

— Может, — задумчиво ответила Аглая. — Вот я сейчас и узнаю.

Она поднялась, поправила платье и вышла в коридор. Каюта купца Бородина находилась на том же этаже, что и её собственная, и дверь была приоткрыта. Изнутри доносился запах табака и водки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.